

Ольга Балла

Антрополог спускается в ад

Анна КЛЕПИКОВА. Наверно я дурак: Антропологический роман. — СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2018. — 432 с.

Книга Анны Клепиковой об опыте волонтерства в двух учреждениях для инвалидов под Петербургом — в детском доме для детей с нарушениями умственного развития и затем в психоневрологическом интернате для взрослых — начиналась как кандидатская диссертация и писалась по полевым дневникам для этой работы. Свою первоначальную роль текст благополучно выполнил (автор защитила диссертацию на степень кандидата социологических наук и работает теперь заместителем декана факультета антропологии Европейского университета в Санкт-Петербурге), но вышел далеко за рамки задуманного. То, что начиналось как антропологическое исследование, обернулось свидетельством об экстремальном опыте: не только интеллектуальном, но и психологическом, эмоциональном, даже телесном. В самом начале автор рассказывает, как на семинаре, где она вместе с другими внештатными волонтерами готовилась к работе в детдоме, ведущая предложила участникам задания, позволяющие им «почувствовать себя на месте подопечных с нарушениями развития». «В ходе первого задания нужно было взять в левую руку фломастер и обвести карандашный рисунок, состоявший из горизонтальных и вертикальных линий, при этом руку и рисунок можно было видеть только в зеркальном отражении. Такое упражнение позволяет волонтеру разотождествить себя с собственным телом, как бы поставив себя на место человека с отличающейся телесностью» («ощущение, — запишет после этого автор, — как от тяжелой физической работы»). Затем ведущая семинара «покурила некоторых волонтеров быстро и грубо, тем самым продемонстрировав нам, как кормят подопечных санитары». «Будущим волонтерам завязывают глаза и катают в инвалидных колясках по неровной местности, наезжая при этом на все кочки и неровности, или перетаскивают с места на место в неудобной позе — взяв за руку и за ногу. Для внешнего наблюдателя это выглядит как довольно забавная игра. Но предполагается, что так волонтеры смогут представить себе, какие телесные и вестибулярные ощущения может переживать ребенок или взрослый с инвалидностью в повседневной жизни в интернате, и не станут перенимать некоторые способы обращения с подопечными, которые характерны для персонала учреждений. Кроме того, будущему волонтеру приходится преодолевать границы — личные и телесные, свои и чужие, что, как полагают, готовит его к каждодневной тесной работе с телом подопечного, к выходу за пределы собственного комфорта. А еще этот совместный опыт должен сблизить волонтеров и сплотить группу».

Получилось, собственно, тоже исследование, но в более глубоком смысле: о человеческой сущности, о том, что значит быть человеком.

И это при том, что обобщающих формулировок на этот счет автор старается не предлагать: ей важнее точно описывать факты; все, что нужно, она говорит самим материалом. Свой текст, переросший исследовательские задачи (зато вравивший в себя исследовательскую оптику, которая, пожалуй, сильно помогла автору справиться с увиденным) она предпочла назвать романом. По существу, это — аналитическая хроника путешествия в ад.

С исследовательской честностью, подробно и по видимости бесстрастно Клепикова показывает, как людям, работающим с обитателями интернатов (в том числе и ей самой — удобный случай рассмотреть и понять это изнутри!), приходится преодолевать не только усталость и раздражение, но и брезгливость, отвращение, стыд, страх. И далеко не всегда успешно.

Вот подопечная ПНИ просит у проходящих по палате во время тихого часа автора и волонтера воды, запить таблетки. («Наверное, медсестры или санитарки не приносят ей воды, потому что боятся, что она манипулирует их вниманием, думаю я», — комментирует автор.) «Когда женщина протягивает руку к стакану, я вздрагиваю — она выглядит как поросший плесенью пень». Это еще далеко не самое отталкивающее. Тут достаточно всего лишь соблюдать простейшие правила гигиены: «Помой, пожалуйста, потом руки», — говорит автор сопровождающему ее волонтеру.

Страх работников интернатов перед подопечными совсем не беспочвенный: общение с ними иной раз может стать реальной угрозой для жизни. В конце концов, именно страх за собственную жизнь — после того, как ее оцарапал мальчик, больной гепатитом С — вынудил автора оставить работу в детском интернате.

Себя в этой ситуации автор описывает точно так же, как и других участников ситуации: обитателей интернатов, работающих там сотрудников — врачей, воспитателей, санитаров и волонтеров благотворительной организации «Альтернатива», представлявших собою «отдельную экзотику».

Все это — разные типы позиций, каждая — со своей моделью поведения, с собственной этикой, идеологией, мифологией (и неминуемыми стереотипами), корпоративной солидарностью (тренировки волонтеров, как мы видели, имеют целью еще и сплочение группы), со своими защитными механизмами перед лицом адского опыта (чистое, искреннее сострадание подопечным и отождествление с ними оказываются тут губительными: выгорание неминуемо; а еще есть такая вещь, как манипулирование опекающими со стороны инвалидов, с которым тоже надо уметь справляться), с проблематичными отношениями друг с другом (сотрудники интернатов воспринимают волонтеров как конкурентов). К волонтерам автор, вошедшая в их среду на время и ставшая одним из них в исследовательских целях, тоже принадлежит не вполне, смотрит на них в некотором смысле извне. Она сама здесь — представитель отдельного типа, который проблематичен не менее остальных и также нуждается в анализе, причем даже в двух отношениях: как ученый-антрополог и как носитель массового сознания с унаследованным от своего окружения «набором стереотипов и культурных страхов, коллекцией представлений уровня повседневного здравого смысла», страхами и объяснительными схемами — которые предстояло вынести за скобки и «открыть дивный новый мир».

Взаимодействие между представителями этих типов более всего похоже на взаимодействие между людьми (вполне непреодолимо) разных субкультур — и описывается здесь именно в этом качестве.

В целом же речь в книге идет о существовании на границах человеческого — в той пограничной области, куда люди, считающие себя принадлежащими к так называемой норме, стараются лишней раз не заглядывать — и правильно стараются, таким образом норма, вещь чрезвычайно хрупкая, оберегает себя — это разрушительное

зрелище. Не выходя за рамки исследовательских (отстраненных) интонаций (у читателя будет много возможностей увидеть, насколько тяжело ей это далось), автор описывает область катастрофы, беды и безнадежности, где они — не экстремальное состояние, а норма и рутинность. Где обыденно то, что обыденным быть, по идее, не может и не должно. Причем даже две такие области, одна страшнее другой: катастрофы предварительной — в детском доме-интернате, где еще есть разновидность будущего и подобие (так и хочется сказать — адское) надежды, и в интернате взрослом, «психоневрологическом» (куда по достижении совершеннолетия отправляют и вполне нормальных психически, «сохраненных», как это говорится на профессиональном жаргоне, но телесно сильно ограниченных людей, например, инвалидов-колясочников), где надежд нет совсем. Оттуда, как правило, не выходят. Там нет воспитателей. Там уже никто не интересуется индивидуальными особенностями «проживающих» и не готовит их ни к какому будущему, потому что никакого будущего уже нет — и это способно убивать само по себе. (Один из героев книги, Виталик, с нетерпением ждал переезда во «взрослый» интернат, был счастлив, когда переселялся туда, — и умер вскоре после переселения: формально — от болезней, по существу — от заброшенности и отчаяния.)

Оказывается, между прочим, что область человеческого вообще и область нормы в частности существенно более широка, чем склонны себе представлять обитатели «срединных», далеких от пограничья областей культуры. Люди, запертые в своих больных телах, сильно ограничивающих их существование и самовыражение, внутренне нередко оказываются куда ближе к тому, в чем нам привычно видеть норму; гораздо больше понимают и видят, чем может показаться извне. (В этом смысле поражающе-показательна история девушки, которая молчала всю жизнь, считалась, как это называется в интернате, «неречевой», — и вдруг заговорила совершенно полноценной речью после того, как ей подобрали правильные противоспастические препараты, буквально расковавшие ей органы речи. То есть у нее во все эти молчаливые годы было, оказывается, нормальное сознание, которое проявилось, как только возникла такая возможность.)

Как воспринимают происходящее сами подопечные, известно менее всего: внутренний мир большинства из них недоступен (некоторые способны общаться только движениями глаз). Сюжеты, в которых к сознанию человека нет возможности проникнуть извне, и окружающие домысливают происходящее у него внутри кто во что горазд, в соответствии с собственными особенностями и душевными склонностями, — на страницах книги в изобилии. Во взрослом интернате автор видит сидящую на кровати «совсем молодую девушку». «Я пытаюсь вспомнить, на какую актрису она похожа. «Посмотри, какая она красивая, и, по-моему, она все понимает», — говорит Любава (волонтер. — *О.Б.*). Я беру девушку за руку. Она тихонько ощупывает мои пальцы, будто до нее никто раньше не дотрагивался. Сложно по взгляду и прикосновениям судить о том, сколько она «понимает», но она точно очень рада, что к ней кто-то подошел. <...> В палату заходит санитарка и говорит, что нам пора уходить и вообще нечего нам тут делать. И показывая на девушку, которую я держу за руку: «Эта вообще идиот, у нее изменение личности».

В этой книге-свидетельстве важно не только то, что в ней есть, но не в меньшей степени и то, чего в ней принципиально нет. Клепикова удерживается от самых сильных соблазнов: гнева, осуждения, поучения — которые, пожалуй, помогли бы спастись от отчаяния — и от соблазна самого отчаяния.

Она не проповедует милосердия, не морализирует, не критикует недостатков отечественной системы здравоохранения (хотя, казалось бы, основания к этому встречались ей на каждом шагу) и / или особенностей русской культуры и свойственного ей мировосприятия (хотя, опять же казалось бы, оснований к этому тоже предостаточно, и многие из этих оснований в книге прекрасно видны) — этих предметов она не касается в принципе. Ее позиция — не социальная вообще (что крайне редко)

и не оценивающая, не судящая в частности (что чрезвычайно трудно даже читателю, который вовлекается в происходящее только на уровне сопереживания прочитанному). Ее тип взгляда даже не столько антропологический, сколько *антропографический*, антропопластический: она рассматривает взаимодействие человека и обстоятельств и то, как обстоятельства меняют человека.

Этот текст не только потрясает эмоционально, как, например, многократно цитируемая здесь автобиографическая повесть Рубена Гальего «Белое на черном». Он сильно расширяет культурную оптику, заставляя перепродумать само понятие «нормы» и принцип проведения тех границ, которые отсекают «норму» от всего остального. Помимо вопросов чисто профессиональных, типа «что и как возможно сделать, чтобы жизнь обитателей интернатов стала более выносимой», и социальных, вроде «почему все это устроено именно таким мучительным образом и кто в этом виноват», — и даже гораздо прежде вопросов этого рода — все рассказанное вызывает вопросы куда более коренные.

Как в этом жить? Можно ли жить без надежды и будущего? Жизнь ли это?

И если да, то что такое жизнь и что такое человек?

Ответы на первую группу вопросов как минимум неоднозначны — кроме разве последнего вопроса, на который приходится отвечать так: да, несомненно, жизнь, хотя очень трудная, часто — мучительная и, как правило, короткая (а мучительна она иной раз настолько, что смерть страдальца воспринимается оставшимися в живых как избавление).

Что касается второй группы вопросов, окончательные ответы на которые невозможны, кажется, в принципе, что автор — вообще избегая избыточных философствований — и не берется предлагать какие-либо ответы. Зато дает нам изобилие материала к тому, чтобы над этим задуматься.